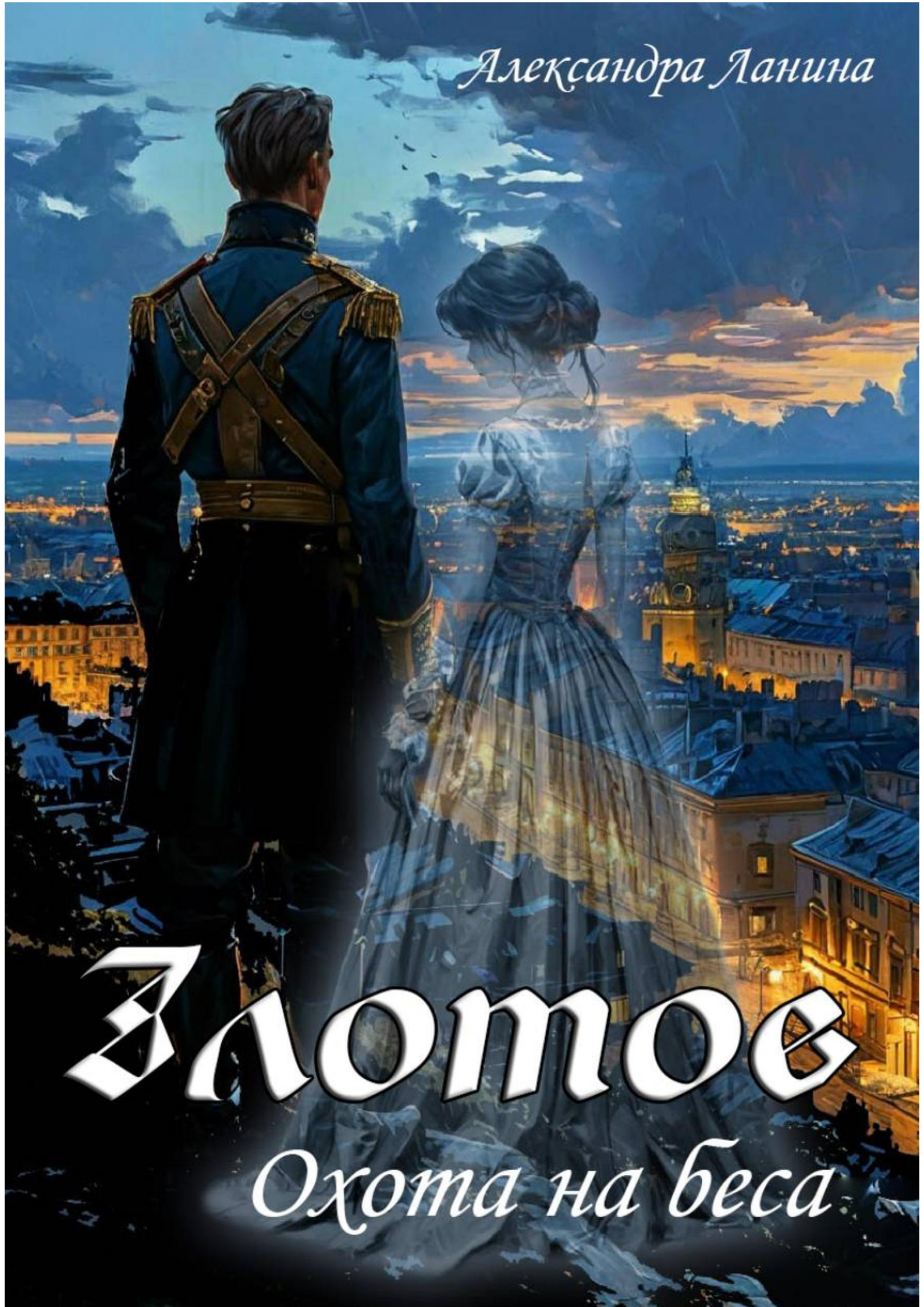

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a man and a woman standing on a rooftop or high vantage point, looking out over a city at night. The man, on the left, is seen from the back, wearing a dark blue military-style uniform with gold epaulettes and a wide brown leather strap across his back. The woman, on the right, is also seen from the back, wearing a long, light blue or white Victorian-style dress with a full skirt and a high collar. The city below is illuminated by warm yellow lights from windows and street lamps, contrasting with the cool blue tones of the night sky and the couple's clothing. A prominent church spire with a clock face is visible in the cityscape. The sky is filled with dramatic, dark clouds, and the overall mood is romantic and mysterious.

Александра Ланина

Златое

Охота на беса

Александра Ланина
Злотов. Охота на беса

«Автор»

2026

Ланина А.

Злотов. Охота на беса / А. Ланина — «Автор», 2026

Когда-то князя Арсения Злотова сослали на Кавказ за преступление, которое он не совершал. Но прошло много лет, и после смерти отца по нелепой случайности он стал старшим в роду. За время ссылки он потерял все: репутацию, положение в обществе, любимую жену — и прощать тех, кто в этом виноват, не намерен. Но так ли все просто с гибелью его жены — и что он будет делать, если безопасность империи окажется в его руках?

© Ланина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александра Ланина

Злотов. Охота на беса

Глава 1

– Черт знает что.

Зеленин с раздражением отбрасывает письмо и трет уставшие глаза. День и без того выдался трудным, а пришедшее с нарочным из самого Петербурга послание и вовсе выбивает майора из колеи. Но делать нечего: выстучав по столешнице отрывок какого-то марша, Зеленин зовет адъютанта и просит привести к нему Злотова.

Какого Злотова, адъютант не уточняет: на весь 80-й Кабардинский пехотный полк он такой один.

В ожидании Зеленин, не в силах справиться с раздражением, поднимается из-за стола и меряет шагом комнату, убрав за спину руки. Необходимость расстаться с офицером своего батальона его глухо злит. Пусть всего на два месяца, пусть только с унтером, но где он этому унтеру сейчас замену найдет? Одна надежда – что Его императорское величество заметит ошибку Комиссии и вернет Злотова обратно в полк как можно скорее.

Зеленин неискренне корит себя за такие мысли. Нельзя желать человеку зла, да и батальон не развалится без него, правда ведь? Не развалится, да только Зеленин уже заранее мрачно предчувствует, какой бардак начнется, стоит Злову уехать. Достаточно на соседние стрелковые роты взглянуть, а особенно – на штабные документы. Зеленин как-то заглянул и с тех пор на Злотова стал смотреть совсем по-другому.

Майор тяжело вздыхает и бросает косой взгляд на письмо. Оно кажется ему предвестником бури, и мысленно Зеленин горячо молится о том, чтобы она обошла вверенный ему батальон стороной.

– Каптенармус Злов по вашему приказанию прибыл.

Зеленин оборачивается и хмуро осматривает Злотова с головы до ног, в который раз дивясь про себя, откуда что берется. Злов не внушает с первого взгляда ни уважения, ни интереса: невысокий, узкоплечий, светловолосый и светлоглазый, он теряется за черной формой полка, и только круглые очки на длинном тонком носу позволяют хоть за что-то в его облике зацепиться. Выражение лица – вечно постное, взгляд – вечно чуть в сторону, будто собеседник не представляет для него интереса. Из всего батальона Злов последний, на кого обратит внимание сторонний наблюдатель.

Вот только Зеленин отлично знает, что серебряный знак «За отличие», который с гордостью носят на шапках все четыре стрелковые роты полка, – в том числе и его, Злотова, заслуга.

Пауза затягивается; Зеленин молчит, и Злов молчит, глядя спокойно и незаинтересованно. Кажется, он и час так может простоять, пока майор не надумает озвучить причину вызова. Это спокойствие только злит Зеленина еще больше, и он раздраженно и шумно выдыхает через нос – прежде чем передать Злову письмо и отвернуться вполоборота, вновь сложив руки за спиной.

Чтобы минуту спустя уловить краем глаза смазанный жест и спохватиться:

– Соболезную, князь.

Злов размеренно крестится, и Зеленин, признаться, смотрит на него с некоторой жадностью: каптенармус стрелковой роты редко позволяет себе эмоции, но известие о кончине отца должно ведь вызвать у него хоть какие-то чувства?.. Может, и вызвало, но догадаться об этом сложно: как и всегда, лицо Злотова не выражает ничего – даже пристойной событию печали.

Зеленин думает, что это само по себе говорит о многом. Что бы ни натворил князь Злотов тринадцать лет назад, за что бы ни сослали его на Кавказ в унижительном чине унтер-офицера без права на повышение, дворянское воспитание этим ни вытравить. Как сам Зеленин, переживая раздражение, вежливо соболезнует, так и Злотов, в соответствии с этикетом, должен был бы вежливо опечалиться. Но он лишь крестится – машинальным жестом, подобранным у покойной жены.

Зеленин вспоминает Настасью Дмитриевну Злотову и чувствует совсем неуместную сейчас грусть. И только чтобы ее перебить, произносит:

– Комиссия требует вашего прибытия в Петербург, чтобы принять род.

Он переводит все такой же хмурый взгляд на Злотова – и невольно вздрагивает. Светлые, невыразительные и отстраненные обычно глаза смотрят на него из-под козырька шапки неожиданно пристально.

– В Петербург? – переспрашивает Злотов – негромко, но гулко, у него, как и у всех офицеров, глотка луженая, даром что ростом не вышел. Зеленин под его взглядом с трудом давит порыв поежиться.

– В Петербург. Черт знает что, – ворчит он и, в порыве куда-то деться из-под неуютного внимания подчиненного, обходит стол, с шумом усаживается в кресло и складывает руки на животе.

Злотов следит за ним, Зеленин почти физически это чувствует – но потом опускает глаза к письму, и ощущается это как милосердие.

Поздравить бы его нужно, с неудовольствием думает Зеленин, наблюдая за тем, как Злотов вновь скользит взглядом по строчкам. Если Комиссия не ошиблась, если Его императорское величество действительно даровал каптенармусу Арсению Злотову, старшему сыну и наследнику почившего князя Владимира Злотова прощение – это чудо, равного которому и раз в столетие не происходит. Для Злотова это шанс на лучшую жизнь, может, даже на возвращение в свет, на признание его заслуг – не только в Кавказскую войну, но и в Крымскую. На более или менее спокойную старость.

Нужна ли ему эта старость, думает Зеленин, рассматривая Злотова, пока тот аккуратно, сгиб к сгибу, складывает письмо. Нужен ли ему этот свет и это признание – теперь, когда нет Настасьи Дмитриевны?..

– Подберите себе заместителя, введите в курс дела. Вам велено прибыть без задержек, так что отправляйтесь завтра с утра. О решении Комиссии отпишитесь сразу же, – говорит Зеленин после долгой паузы уже совсем другим тоном.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – отзывается Злотов без выражения.

– И, Арсений Владимирович... – Зеленин медлит, раздумывая, стоит ли об этом говорить, потом вспоминает документы соседнего батальона и решается: – Помните, что мы вас ждем. Как бы ни сложились ваши дела в Петербурге, здесь вы нужны. Возвращайтесь, о повышении я похлопочу. Договорились?

Злотов привычно смотрит чуть в сторону, но когда он отвечает, голос его на порядок более теплый.

– Благодарю, ваше высокоблагородие.

И хотя вернуться он не обещает, Зеленин слегка успокаивается. Отчего-то ему кажется, что задерживаться в столице Злотов не будет – даже если ему и впрямь удастся возглавить род.

А значит, вряд ли придется мучиться с документами по стрелковой роте дольше двух месяцев. Зеленин довольно улыбается. С новыми силами он принимается за работу, которой у командира батальона всегда непочатый край, и выбрасывает каптенармуса Злотова из головы.

*

Петербург встречает дождем – еще по-летнему теплый, августовский, он идет стеной и от этого странно напоминает Кавказ. Злотов стоит у окна на втором этаже здания Комиссии и

рассеянно всматривается в поглотившую город водяную завесу. За его спиной ходят люди, звучат разговоры, хлопают двери: чиновничество ни на минуту не останавливает свой бег, хотя то и дело бросает взгляды на невысокого человека у окна – с ног до головы черного, неуместного.

Впрочем, он и раньше здесь был неуместен, думает Злотов – даже когда носил сине-красную форму Петергофского полка с комиссарским значком на вороте. И Настя здесь тоже когда-то была неуместна.

«Почему же они так долго?.. Простите, я нетерпелива, Арсений Владимирович. Вот я присяду и замолчу, вы от меня ни звука более не услышите... Но почему же так долго? Разве у наших родов могут быть сложности с браком? Что можно столько времени проверять, если нет Уз?.. Простите, простите. Дайте мне руку, бесенок, иначе мне, кажется, не замолчать... Как же долго. Как долго...»

Потоки дождя на стекле вдруг складываются в женский силуэт, и Арсений улыбается.

Здесь всегда долго, Настенька. Видишь, даже тринадцать лет спустя.

– Князь Арсений Злотов, – гремит у него за спиной, и Арсений прикрывает на миг глаза. Эхо летит по всему коридору, и дождь, будто в ответ, начинает барабанить по стеклу сильнее. – Прошу вас.

Злотов не оглядывается – в стекле отражается распахнутая дверь и секретарь на пороге; машинально поправив мундир и очки, он разворачивается всем корпусом и направляется к кабинету.

Это другой кабинет и другие люди, и теперь они не решают его судьбу – лишь исполняют долг, как и он сам. Впрочем... насчет долга у него есть собственные соображения.

...У чиновников Комиссии, как ни странно, они тоже оказываются свои.

– Вы должны понимать, князь, – важно и надменно говорит один из них – надворный советник Ризенбах, как он представился, стоило Злотову переступить порог. Грузный и мясистый, он занимает все пространство за столом, и Арсению стоит некоторых усилий смотреть привычно чуть в сторону от него – плечи Ризенбаха кажутся бесконечными, как и его бакенбарды. – Полагаю, ваше старшинство в роду – лишь следствие занятости Его императорского величества. Все решения по спорам Комиссии отложены до октября, когда закончится подготовка к свадьбе великой княжны Марии Александровны. Вероятнее всего, Его императорское величество распорядился бы иначе, но пока мы вынуждены следовать Порядку.

Арсений молчит, по-прежнему глядя чуть в сторону. Он не обманывается: слухи о свадьбе великой княжны и герцога Эдинбургского доходили до Кавказа, очевидно, что императору не до внезапно умершего князя Владимира Злотова и его опального наследника. Даже если этот наследник сослан на Кавказ ни много ни мало – за подготовку к убийству императора и перевороту.

Ризенбах, как и все в Комиссии, явно в курсе этого старого дела – со всех сторон Злотову достаются неприязненные взгляды, а его непосредственный визави и вовсе не старается скрывать пренебрежение. Черная унтер-офицерская форма Арсения дает ему для этого все основания.

Злотов равнодушно молчит. Пауза затягивается, но его это не трогает.

Ризенбах сдается первым: ерзает в кресле, рассерженно хмыкает – и тем не менее достает из верхнего ящика стола увесистую папку, а к ней прилагает опись.

– Вам следует расписаться в получении документов рода, князь.

Арсений принимает папку, раскрывает ее и, положив лист с описью слева, перед глазами, приступает к чтению. Ризенбах возмущенно выдыхает, следя, как Злотов медленно и спокойно скользит взглядом по строчкам. Должно быть, немногие из новообретенных глав родов действительно читают эти документы прежде, чем расписаться в описи: публичные сделки, сведения о финансах, залоги, долги и ссуды, имущество рода – для большинства это лишь скучные

столбики цифр и наименований. Арсений не без оснований считает такую беспечность губительной и не позволяет ее себе ни на службе, ни в жизни.

Поняв, что князь Злотов не собирается покидать кабинет до тех пор, пока подробнейшим образом не ознакомится с документами рода, Ризенбах снова хмыкает. Сделать он ничего не может: согласно Порядку, новый старший в роду должен ознакомиться с документами – на случай, если они его не устроят и он решит отказаться от этой чести. Злотов рассеянно задается вопросом, бывало ли уже такое. После крестьянской реформы многие дворянские рода стремительно беднели, не справившись с новой экономической реальностью, и далеко не каждый смог бы потянуть такую ношу.

– Смотрю, в вас все еще сильны интендантские привычки, Арсений Владимирович, – наконец высказывает свое недовольство Ризенбах – едко, зная, какой укол наносит этим напоминанием.

– Комиссарские, – негромко поправляет его Злотов, не поднимая глаз от бумаг, медленно перекладывает листы. – Когда я служил в Петергофском полку во время Крымской, Главного интендантского управления еще не было – были комиссии комиссариатского департамента.

Ризенбах уязвленно поджимает губы, но разговор не продолжает – может, не знает, что сказать, а может, не хочет затягивать пребывание неприятного собеседника в своем кабинете. Злотова его мотивы не трогают так же, как и неприязнь, и высокомерие. Он пробегает взглядом очередной лист и перекладывает его в конец папки.

На то, чтобы хотя бы бегло ознакомиться с документами, у Злотова уходит полтора часа. Чиновники Комиссии раздраженно шепчутся между собой, Ризенбах пару раз встает и выходит из кабинета, затем возвращается – Арсений отмечает это краем внимания и снова сосредотачивается на документах. Когда он наконец закрывает папку и, положив опись поверх нее, просит перо и чернила, из всех углов кабинета раздается несдержанный вздох.

Это только начало, усмехается Злотов про себя.

– Я хочу ознакомиться с родовым древом, – говорит он по-прежнему негромко, и перо в его руке задумчиво висит над описью.

Ризенбах давится вдохом и разгневанно кашляет. Злотов поднимает взгляд и вопросительно наклоняет голову.

– Вы должны понимать, – с нажимом наконец произносит Ризенбах, – что это невозможно.

Арсений и впрямь понимает. Родовое древо – самый важный документ рода, да и не только рода – всей империи, потому он и хранится в Комиссии, держать такую реликвию в частных домах запрещено под страхом смерти. Смотреть на него, кроме высших чиновников Комиссии и императора, дозволено только старшему в роду и то – не по прихоти, а по чрезвычайной необходимости. Конечно, в родах держат копии древа, но все они неполные, дающие представление только о главных ветвях и межродовых связях. Полное же древо часто содержит большие сюрпризы – и о связях, и о наследниках, и о ветвях.

– Я принимаю старшинство в роду, – все так же негромко поясняет свою позицию Злотов. – Согласно Порядку, я имею право перед этим ознакомиться с древом.

Он знает, что прав, как знает это и Ризенбах, и все в Комиссии. Нигде в Порядке наследования, передачи и установления старшинства в дворянском роду не указано, что глава, который пробудет в должности всего два месяца, не имеет права посмотреть на родовое древо. Однако Ризенбах, очевидно, не собирается следовать Порядку – конкретно в случае князя Злотова.

– Ваше старшинство временно. И учитывая ваши наклонности, – Ризенбах с намеком выгибает брови, – Комиссия не считает возможным допускать вас к реликвии.

Ожидаемо. Арсений чуть щурится сквозь очки – глаза устали от мелкого почерка писаря, который занимался документами его рода.

– Я прошу письменный отказ, – говорит он.

Ризенбах неприятно улыбается.

– Вы его не получите.

– Я буду жаловаться, – продолжает Арсений – негромко, ровно, в противовес торжествующему Ризенбаху.

– Пожалуйста. – Чиновник широко поводит рукой и удовлетворенно откидывается на спинку кресла. – Жалобы на решения Комиссии принимает ее председатель, в особых случаях – сам император.

Арсений опускает взгляд, смотрит на опись, на девственно чистый лист там, где должна стоять его подпись. Не в первый раз за прошедшие в дороге с Кавказа дни он задается вопросом: нужно ли ему это? Тринадцать лет для него собственная фамилия была всего лишь сочетанием букв, как и приставка «князь», род платил ему тем же – полным забвением. Так нужно ли это сейчас?

Нужно ли это, Настя?..

В груди толкается – горячее, жесткое, недовольно ворочается с боку на бок, тесня в сторону сердце, по жилам ртутью растекается болезненное тепло, и весь мир вдруг отзывается ему такой же горячей пульсацией. Арсений прикрывает на миг глаза, усилием воли умиряет этот огонь. Еще одна привычка, которой он обзавелся вдали от Петербурга.

Должно быть, таков ответ на его вопрос.

– Мне не по чину тревожить председателя и тем паче – самого императора, – с обманчивым смирением говорит Злотов и вновь поднимает глаза. – Как офицер действующей армии, я обязан направлять свои жалобы собственному начальству. Полагаю, князь Барятинский сам обратится и к председателю Комиссии, и к Его императорскому величеству, если сочтет нужным.

Ризенбах бледнеет. Имя генерал-фельдмаршала князя Барятинского, шефа 80-го Кабардинского пехотного полка, одно из самых известных в Петербурге. Известен и его крутой нрав: как и большинство военных, к гражданским чиновникам он относится с пренебрежением, а когда они начинают конфликтовать с интересами представителей его полка, и вовсе впадает в ярость. И здесь уж неважно, о ком идет речь – о старшем унтер-офицере Злотова, о штабном писаре или же о высшем офицере штаба. Учитывая его заслуги, в схватке с князем Барятинским даже привилегированная Комиссия по контролю и укреплению Уз на благо империи, бывшая в прямом подчинении императора, не имеет никаких шансов.

Арсений шурится, наблюдая, как Ризенбах постепенно осознает последствия такой жалобы. Дело ведь не ограничится ею – если бы. Князь Барятинский обратится к председателю Комиссии, тот, скорее всего, доводит до обращения к императору не решится и поспешит уладить вопрос. Злотова допустят к его родовой реликвии, а генерал-фельдмаршалу предъявят виновника всех бед – надворного советника Ризенбаха. Не пройдет и недели, как Ризенбаха отправят в отставку, в лучшем случае – на почетную пенсию, а его место займет наиболее прыткий из претендентов. Скамейка желающих занять столь лакомую должность всегда очень длинная, сидят на ней не последние люди империи, и все они только и ждут, когда под очередным чиновником зашатается стул – а под Ризенбахом сейчас его кресло не шатается, а грозит обратиться в пыль.

Под равнодушным взглядом Злотова Ризенбах откашливается, с трудом возвращая себе самообладание, и выпрямляется, затем встает, тяжело опираясь ладонями о стол.

– Обождите немного, князь, – просит он совсем другим тоном, направляясь к двери грузным шагом – от каждого взвизгивает паркет и подрагивают стекла.

Видишь, Настенька. Нет у опального князя Злотова ни связей, ни положения, и даже в дворянском собрании его род находится всего лишь в Малом круге – бесконечно далеко от Большого круга, что от Архонтов. Зато он хорошо понимает, как работает бюрократическая машина, и знает, как заставить ее служить себе. Не важнее ли это всех Уз вместе взятых?

Арсений возвращает взгляд к бумагам и, окунув перо в чернила, ставит свою подпись на документе.

Мысленно он повторяет: это только начало.

*

Когда Злотов наконец покидает Комиссию, дождь уже кончился. Воздух плотный, душный, тяжелые облака недвижимо нависают над городом, прижимая его к земле; брусчатка мокро блестит, и так же мокро блестят обвисшие листья деревьев – слабый ветер даже не пытается их тронуть и высушить. Арсений, закрыв за собой дверь, на несколько секунд замирает, потом поправляет очки и неспешно спускается по лестнице.

Федор, денщик, прикорнувший у ее подножия, вскидывается, стоит ему только услышать стук металлических набоек по камню, и, когда Арсений сходит на тротуар, сразу вырастает рядом.

– Как, вашблагородь? – гудит он, заглядывает обеспокоенно под козырек шапки – точно такой же, как у него, с серебряным значком «За отличие» поперек тульи.

Арсений молча качает головой. Федор сникает, хмурится, неуютно поводит широкими плечами и оглядывается на здание Комиссии со странной, бессильной злостью. Злотов искоса наблюдает за ним, чуть шурясь. Петербург – город серости, после ярких красок Кавказа глаза должны бы отдыхать, а вот нет: вся эта серость светится белым агрессивным светом – брусчатка, дома, колонны, мосты, даже облака. Глаза режет до боли, и Арсений, наклонив голову, трет переносицу под очками.

– Вашблагородь... тяжело? – едва слышно спрашивает Федор, и Злотов не видит – чувствует его широкую ладонь около своего локтя: готовится подхватить. Арсений снова качает головой, выдыхая.

– Справлюсь, – так же негромко говорит он, сознательно сглатывая голос. В Петербурге эхо летит далеко, как в горах, а ему не нужно, чтобы хоть кто-то знал их с Федором переговоры. Злотов поднимает глаза, оглядывается и кивает в сторону: – Пойдем погуляем.

Федор неодобрительно хмыкает, но не спорит и следует за Зловым без задержки.

Комиссия находится в центре, и конечно, здесь много людей – служащих, студентов, рабочих, слуг; стоило дождю закончиться, они вынырнули как из-под земли и побежали кто куда. Арсений идет неспешно, и этот бегущий куда-то поток разбивается об него, разрезается пополам и схлопывается за его спиной снова; кто-то бурчит на него – то рядом, то в спину, но Арсений не обращает внимания. Впрочем, ему и не нужно: Федор, идущий за его правым плечом, высказывается за двоих, да и сам его вид отбивает охоту ругаться. Высокий, широкоплечий, одетый, как и Арсений, в черную военную форму Кабардинского полка, на фоне щуплого Злотова денщик кажется огромным – медведем, потревоженным посреди спячки. Тем забавнее со стороны видится то, с какой трепетной аккуратностью он обращается с князем: подхватывает под локоть, стоит ему оступиться, оберегает от столкновений, буравит тяжелым взглядом из-под нахмуренных бровей тех, кто смеет выражать недовольство.

Арсению не забавно. Арсений знает: если бы не Федор – его бы давно уже не было. Как и доброй четверти третьего батальона Кабардинского полка.

Злотов сходит с шумной улицы, сворачивает на набережную Екатерининского канала и останавливается у перил. Вода внизу тихо стелется, переливается черным, отражает серое небо и мерцает загадочно. Арсений прикрывает глаза и задерживает дыхание – будто переживает боль.

Весь мир снова пульсирует в ритме воды внизу, горячо, бело, тяжело разливается по жилам, тащит за собой сеть. Здесь, в Петербурге, справляться с этим особенно трудно, на Кавказе было легче. Должно быть, здесь для Уз – самый центр переплетения, оттого они и бьют

непривычного человека с такой силой. Архонтам проще – они с этим рождаются и обучаются управлению Узами с детства.

Злотов уже десять лет держится только на силе воли.

Он выдыхает, чувствуя обеспокоенный взгляд Федора, и отворачивается от воды, опирается на перила спиной.

У упрямства, с которым Арсений требовал ознакомления с родовым древом, есть причина – более серьезная, чем занудная привычка соблюдать правила. Насколько он знал, в роду Зловых никогда не было Уз: несмотря на княжеский титул, они всегда находились в Малом круге и с Большим кругом не пересекались, что уж говорить об Архонтах. Род Березиных – девичий род Насти – когда-то Узами обладал, но утратил их еще до петровских времен из-за большого количества неравных браков. Раньше таких потерянных родов было много, и лишь при Петре Алексеевиче за сохранностью Уз стали жестко следить. Оно и понятно: царь Петр грезил Великой Россией, строил ее, не щадя ни себя, ни людей – и Узы как гарант сохранности большой страны ему были только в помощь.

О сохранности человеческих судеб, любви и семей он не думал. Впрочем, Злотов не склонен его за это осуждать.

Петр Алексеевич создал Комиссию, которая принялась наводить порядок в системе дворянских родов и, что важнее, браков. Работа развернулась масштабная: родовые древа и связи восстанавливали вплоть до времен первых князей и Крещения – переломного момента в истории Руси, когда и возникли Узы. Тогда создали Малый и Большой дворянские круги, особо выделили Архонтов – тех, у кого в роду Узы были особенно сильны и стабильны. В Большом круге с Узами рождался не каждый, но шанс сохранялся, поскольку их родовые древа пересекались с древами Архонтов; в Малом круге Уз не было вовсе либо их утратили. Все дворянские браки с тех пор проходили через одобрение Комиссии, ведь Узы передаются по наследству, и заключить неравный брак стало возможно исключительно для того, чтобы разбавить кровь и не допустить вырождения рода.

В роду князей Зловых, унаследовавших титул от двоюродного племянника Всеволода Большое Гнездо, Уз не было никогда. И как теперь знал Арсений, тайных пересечений древа с Архонтами или хотя бы родами Большого круга не было тоже.

А у Арсения Злотова в тридцать лет проявились Узы.

Он хмурится, поправляя очки, скользит взглядом по набережной, ни за что не цепляясь.

Таких, как он, называют Узлами; по одной из теорий, они появляются, когда Узы используют слишком много и оттого они путаются. Это бы все объяснило: действительно, шла война, на войне Узы применяют постоянно, а если в ней участвуют и Архонты, Узлы, хоть один-два, появятся с гарантией. Если бы не одно «но»: в Кавказской войне участвовало исчезающе мало дворян Большого круга, а Архонта и вовсе за все тринадцать лет службы Арсений видел лишь одного – светлейшего князя Михаила Горина. Князь Горин приехал тогда в Даховский отряд, чтобы возглавить завершающую операцию по покорению Западного Кавказа, и произошло это в 1864 году – через четыре года после того, как Злотов обзавелся Узами.

Как все было бы просто, думает Злотов, шурясь сквозь очки. Если бы в родовом древе нашлось хоть одно пересечение с Большим дворянским кругом; если бы Узы проявились в Крыму, где Архонты участвовали чуть ли не в полном составе; если бы на Кавказе было много Уз и тех, кто их применяет, – все было бы просто.

Но просто – это не про нас, правда, Настя?..

Если бы Узел удалось хоть как-то объяснить, он бы не вызвал проблем: приняв старшинство в роду, князь Злотов обратился бы в ту же Комиссию, сообщил об Узле и о том, что нуждается в обучении. Необученные Узлы опасны, ведь они не в силах сдерживать Узы, и те буквально разрывают своего носителя. А прорвавшись вовне, Узы приводят к катастрофам – пожарам и взрывам, которые уносят как жизнь самого Узла, так и жизни всех окружающих.

По преданию, именно так при Крещении уничтожило капище, на котором древние волхвы призывали Узы: многие из первых Узлов не справились с новыми силами, погибли сами и погубили волхвов, пожар выжег капище до пепла – говорят, земля на этом месте до сих пор серая и не родит ни травинки. Немногие выжившие посчитали свое спасение чудом и обратились к Истинному Богу, назвавшись Его Столпами, и разрушительный дар языческих богов поставили на службу Ему.

Злотов свое спасение тоже склонен считать чудом – вот только он отлично знает, кто его совершил.

...Узы проявились у него десять лет назад, на третью ночь после смерти Насти. Арсения ломало, как от горячки, суставы выкручивало, в груди невыносимо пекло болью, и болью пульсировал вокруг весь мир – алой, алой до белизны болью, и весь этот огромный, белый, пульсирующий мир словно пытался растащить на куски его тело, вскрыть грудину и вынуть из него это горячее, жесткое, что пыталось потеснить сердце и заменить его собой... Федор тогда услышал стон из-за двери, ворвался в комнату и подхватил его в последний момент – Арсения ломало так, что он рухнул с кровати. До самого рассвета он просидел со своим унтером в охапке; сжимал в медвежьих объятиях, когда Злотова начинало трясти и выламывать дугой от боли, зажимал рот широкой ладонью, когда стоны становились слишком громкими, обтирал прохладной тряпицей и все гудел что-то едва слышно – что-то о том, что он сможет, что он перетерпит... что Настя просила его жить.

Все это спасло его: Федор, Настя; а еще – глупая мысль, что за стенкой беззаботно спят солдаты Кабардинского полка. Он не мог подвести никого из них.

Потом, утром, когда боль отступила – чтобы вскоре вернуться, но Арсений еще об этом не знал, – Злотов долго смотрел на Федора сквозь слепой прищур и наконец хрипло спросил: – Знаешь, что это?

Федор, который наконец уложил своего унтера на кровать и суетился по комнате, прибираясь, замер и оглянулся на него через плечо.

– У вас глаза горят – ровно у филина. Не дурак, понимаю, – отозвался он.

– Почему не ушел?

Федор и впрямь дураком не был, а еще не был настолько преданным, чтобы погибнуть вместе с обреченным на смерть. Так, во всяком случае, Арсений тогда считал.

А Федор только повел широким плечом и хмыкнул:

– Меня Настасья Дмитриевна на том свете веером по морде отлупит за то, что не сберег. Сами ж знаете.

И Арсений – несмотря на бессонную ночь, на боль от Уз и неутихающую боль от смерти Насти – слабо улыбнулся ему в ответ.

...Федор стал единственным хранителем его тайны. Арсений, фактически отлученный от рода, не мог узнать, почему у него проявились Узы – по тайным связям с Большим кругом или по случайности, и потому решил о них молчать. Не все случайные Узлы погибали, а о том, что делали с выжившими, ходили самые разные слухи: говорили, что их держат в подвалах Петропавловки, что их казнят на месте... что их забирает Седьмое отделение Тайной канцелярии. В одном слухи сходились – никто и никогда больше не видел таких Узлов. А Арсений пропадать не желал.

Он дал Насте слово жить и намеревается его сдержать.

Узы помогли ему в этом. Конечно, первый год он потратил только на то, чтобы научиться их сдерживать: не просыпаться ночью от боли в груди, не давать разгореться белому пламени на пальцах, не светить глазами, как филин – все это потребовало невероятных усилий. За тот год Федор привык его оберегать от любых волнений, ловить под локоть, отвлекать разговорами, потому и до сих вел себя заметно вольно; впрочем, Арсений его не осаживал. Позже он освоил

некоторые приемы Уз, которые видел сам или о которых слышал, и применял их – спасая себя, Федора или тех, кто рядом.

Иногда он удивлялся, почему никто этого не замечает. И сам же себе отвечал: потому что Узами принято хвастаться. Архонты на поле боя появляются в ореоле белого пламени, дворяне из Большого круга шутки ради зажигают на ладони белые огоньки, на виду у всех зачаровывают пули, позволяют светиться глазам, чтобы дамы восторженно ахали. А если каптенармус Злотов из боев выходит без единой царапины – так что ж с того? Видать, Бог его бережет. А что стреляет без промаха – так поглядите, сколько он времени на полигоне проводит, даром что в очках. А что силы в нем, маленьком и узкоплечем, немеряно – так разве ж один он такой, вот дед у меня был...

Арсений усмехается и кивает сам себе. Иногда лучший способ спрятать что-то – положить на видное место.

Федор рядом с ним кряхтит и переступает с ноги на ногу, нарочито скрипя сапогами. Злотов чуть поворачивает голову в его сторону, без слов спрашивая, в чем дело.

– Как дальше-то? – задает Федор мучающий его вопрос. Арсений пожимает плечами.

– Как и планировали. Это ничего не меняет. – Он снова щурится, по-птичьи наклоняет голову вбок. – Но попасть к Горину будет сложнее.

– Чегой-то? – хмурится Федор.

Арсений вздыхает. Федор никогда не был в Петербурге и про дворян знает мало – обычный крестьянин, до армии он их и встречал-то, должно быть, только когда они заезжали в гости к его хозяевам, а в армии различия между кругами всегда немного стираются, хоть и не до конца. В сложных взаимоотношениях дворянских родов в мирное время он не разбирается вовсе.

Впрочем, это не проблема. Федор внимательный, быстро учится, схватывает на лету – за то Арсений его когда-то и выделил. А еще он отлично умеет заводить связи, пошел бы в купцы, цены б ему не было, состояние сколотил бы в два счета. Но у Федора – своя история, и ему купеческая жизнь не нужна так же, как Арсению – хвалиться новообретенными Узами.

– Горин – светлейший князь, Архонт, приближенный к самому императору. Говорят, он возглавляет Седьмое отделение Тайной канцелярии и дружен с цесаревичем Александром. А я – князь из Малого круга, унтер-офицер с Кавказа, – поясняет Арсений. – Я не могу запросто появиться на пороге светлейшего князя, даже несмотря на давнее знакомство.

Федор кивает, сосредоточенно хмурясь. Как все было бы просто, если бы можно было заявить об Узлах, снова с досадой думает Злотов. Седьмое отделение занимается Узлами, с натяжкой это можно было бы принять за предлог, написать Горину, попросить встречи и уже там рассказать... важное. То, что кажется ему даже важнее Узла.

Нельзя.

– И что ж теперь? – спрашивает Федор.

Арсению пока нечего ответить на этот вопрос – даже себе.

– Придумаю, – говорит он. – Знаешь ведь, шансы всегда есть. Надо их только дожидаться.

– Времени-то чуть, – с сомнением возражает Федор. – Успеете ли, вашблагородь?

Успеет ли? Два месяца – мало. Для того, что он заготовил роду, хватит, а для остального? Да и есть ли то остальное? Иногда Арсению кажется, что он все придумал себе, и именно для этого ему нужен Горин – поверить свои выводы чужим разумом. Федор здесь не помощник: во всем, что касается Насти, он еще более предвзят, чем сам Злотов. А то, что хочет рассказать Горину Арсений, с Настей связано напрямую.

Точнее, с ее смертью. И со смертью еще некоторых дворян.

Значит, он должен успеть. И если шансы не потрудятся появиться сами – он их создаст.

Небо над городом снова набухает серыми дождевыми тучами, Арсений бросает на них короткий взгляд и выпрямляется.

– Пойдем обратно, – зовет он Федора.

Не отвечает на вопрос – но Федор слишком много времени провел рядом с ним, чтобы не понять все самому.

Глава 2

Княгиня Алевтина Алексеевна Злотова сидит у окна, нервно комкая в пальцах кружевной платок.

За окном постепенно темнеет; в августе темнота день за днем наступает все раньше, и каждый день эта темнота дает ей надежду: не сегодня. И все же она день за днем вздрагивает, стоит вдалеке послышаться топоту копыт.

Что за досада.

Княгиня поджимает губы и отворачивается от окна. Бездумный взгляд скользит по комнате, пока не достигает портрета Владимира Злотова – ее почившего мужа. Алевтина Алексеевна зло сжимает губы и встает, подходит к портрету, всматривается до рези в глазах, словно ищет в мазках краски ответ.

«Почему, Володя? – хочет она спросить. – Почему ты этого не предупредил?»

Этого. Не смерти своей, конечно, хотя старший князь Злотов казался разумным человеком и на седьмом десятке должен был бы сознавать, что рано или поздно придется отойти к Богу. Но этого – почему он не предусмотрел этого? Того, что все его наследие достанется тому, кого они все согласились забыть?

Княгиня резко отворачивается от портрета и возвращается к окну. Ее черное платье колыхается, шелестит в тишине комнаты; дни траура уже прошли, сорок дней со смерти Владимира минуло, но она его не снимает. Не по мужу она носит траур – а по своей жизни, которой, спокойной и беззаботной, она предчувствует, приходит конец.

Но как он мог все же? Владимир, такой рассудительный, обстоятельный, так легко ее слушающий – почему он не оставил завещания? Ведь она же просила, просила его: оставь старшинство Андрюше, он справится, посмотри же сам, какой вырос красавец, первый жених Петербурга, его в лучших домах привечают, уж не опозорит род-то!.. Владимир кивал согласно и – не писал завещания, словно ждал чего-то. И вот – дождался.

Может, на Его императорское величество надеялся, на его злость? Его трудно осуждать за это – все они на злость императора надеялись. Конечно, она и роду аукнулась, после того досадного происшествия их долго не звали ни на приемы, ни на балы, даже соседи опасались наносить визиты; но видит Бог, Алевтина Алексеевна готова была заплатить такую цену, лишь бы все хорошо с Андрюшей было. Со временем соседи страх растеряли, и Злотовы вернулись на балы, а Андрей пристроился на хорошее место в Петербурге, чиновником не из последних, с перспективами, и Алевтина Алексеевна уж поверила было, что все закончилось хорошо...

Только, как оказалось, не закончилось. И император что-то не спешил явить свой гнев, и Владимир не оставил завещания. Княгиня до сих пор помнит, как побледнел Андрей, когда выяснилось, что завещания нет, как сидели они рядом, не размыкая рук, и не могли успокоить друг друга.

– Да, может, еще обойдется, мама... – нерешительно говорил ей Андрей, когда после похорон собрался в Петербург на свою службу.

Алевтина Алексеевна смахнула уголком платка слезу и только вздохнула. Она предчувствовала, что не обойдется.

...Перестук копыт в очередной раз звучит за окном, и княгиня замирает посреди комнаты, не дыша. Все ближе и ближе; неужели к ним? Неужели на этот раз – все-таки к ним, и Бог не даст им еще одного дня передышки?..

– Барыня... Барыня, прибыл. – Марфа стоит на пороге, смотрит на хозяйку растерянно, и княгиня берет себя в руки. Не к лицу так распускаться, чай, не дворовая девка, потомственной дворянке пристало всегда держать лицо.

Алевтина Алексеевна выпрямляется и, не глядя, разглаживает платок в руках.

– Проводи в голубую гостиную, – распоряжается она. Марфа приседает в поклоне и убе-
гает.

Княгиня дает себе две минуты спокойствия – и идет следом. Теперь, когда нет Влади-
мира, ей надлежит самой принимать удары судьбы.

И возможно, у нее это получится лучше, чем у него.

Он сидит в гостиной на краю кресла – неуместный среди нежно-голубых стен и белых рас-
шитых цветами обивок, черный, держит на колене такую же вызывающе-черную шапку. Когда
княгиня входит, он разворачивается, окидывает ее взглядом невзрачно-серых глаз и только
затем неподобающе медленно поднимается.

– Здравствуйте, матушка.

Голос у него изменился, стал глубже, сильнее, но оттого, что говорит он негромко и
без эмоций, даже такой голос кажется невыразительным. Да и сам он изменился, конечно,
за столько-то лет – возмужал, загорел, черты лица по-мужски затвердели. Но глаза остались
прежними, равнодушными и стылыми, как болото зимой, и смотрят все так же в сторону – как
смотрели они на нее все пять лет его невыносимого детства.

Алевтина Алексеевна надменно приподнимает подбородок, подходит к дивану и, только
опустившись на него и устроившись со всем удобством, отзывается:

– Здравствуйте, Арсений.

Тот вновь опускается в кресло, пристраивает свою шапку на колено и молчит – лишь
смотрит, словно ждет, что она начнет разговор. Княгиня не собирается этого делать, ведь он
сам зачем-то приехал в поместье, потревожив ее, не соизволил даже дожидаться, когда она пере-
едет обратно в Петербург; поэтому она тоже молчит. Минуты молчания длятся и длятся, Алев-
тина Алексеевна постепенно начинает нервничать: под его равнодушным взглядом ей неуютно.
Словно ее уже нет, и все, что сейчас происходит, для него – пустая формальность.

Она снова поднимает подбородок, расправляет плечи и, зацепившись взглядом за кольцо
на его правой руке, язвительно усмехается.

– Вижу, ты успел жениться.

Нашел же еще одну такую дуреху, как Настасья Березина – чем только взял? Малень-
кий, невзрачный, если бы не взгляд, его и на пути не заметишь, снесешь ненароком, слишком
широко махнув подолом, – а подишь ты, Настасья из всех его выбрала. Всем отказала, хотя
говорили, к ней даже кто-то из Архонтов сватался, а она бросила все и всех и поехала за Арсе-
нием на Кавказ. Неудивительно, что там она свой конец и встретила; такие дурехи иначе не
заканчивают.

Арсений между тем вопросительно наклоняет голову, раздражающе напоминая птицу.

– Я женился тринадцать лет назад, матушка.

Алевтина Алексеевна не может сдержаться – удивленно вскидывает брови. Скажите,
пожалуйста, какая верность, она и не подумала бы, что Арсений на такое способен. Впрочем,
кольцо еще ни о чем не говорит, ей ли не знать, как легко сдаются самые верные и любящие
мужчины, если рядом появляется правильная женщина.

Княгиня снова поджимает губы и отворачивается к окну. Некоторое время они снова
молчат.

– Где Андрей? – вдруг спрашивает Арсений, и Алевтина Алексеевна вздрагивает, испу-
ганно вскидывает на него взгляд.

– Не трогай его. – Голос дрожит, княгиня это с неудовольствием замечает и снова подни-
мает голову – только платок сжимает в пальцах до треска. – Он в Петербурге, большой человек.
Тебе до него не добраться, у него много связей, никто не позволит тебе его тронуть. Хоть ты и
старший в роду, никто тебе подчиняться не станет, знай это, и бояться мы тебя тоже не будем.

Она частит, задыхается и замолкает, переводя дух; Арсений внимательно слушает. Так внимательно, будто пытается услышать что-то еще, кроме ее слов. Он всегда так слушал и так смотрел, еще с детства, и это всегда ее пугало. Видит Бог, она пыталась стать хорошей матерью этому ребенку, но спустя пять лет сдалась и внушила мужу, что Арсения, старшего, сына его покойной первой жены, стоит отдать в кадетский корпус. Ведь он же наследник рода, наследник должен быть военным, представь, как это будет хорошо, Володенька, какие будут перспективы!.. И Володенька ее послушал.

Что ж он не послушал ее сейчас?

– Разве вы виноваты передо мной в чем-то, чтобы бояться меня? – спрашивает Арсений все тем же невыразительным тоном.

Алевтина Алексеевна недоверчиво изгибает брови, не сдержавшись. Что же, он не знает? Может ли быть такое, чтобы он не знал?.. Да нет, разумеется, нет; издевается, должно быть, как он делал всегда.

– Ты сам во всем виноват, – резко отвечает она. И Арсений кивает:

– Верно.

А княгиня вдруг вспоминает. Вспоминает, как однажды вечером Андрюша внезапно приехал в поместье – Владимир, на удачу, отправился к старому другу и заночевал там, – и она застала его за попыткой сжечь в камине какие-то бумаги. Андрюша тогда кинулся ей в ноги и разрыдался, рассказал, как его окрутили друзья по лицу, втянули в nepотpeбcтвo и шантажировали, требуя, чтобы он помогал им – о ужас, Боже великий! – подготовить покушение на самого императора. Он пытался вывернуться как мог, но не получилось, а теперь друзей арестовала охранка, и они наверняка про него расскажут, и за ним наверняка скоро придут, мама, что делать, мама...

– Мама, что делать? – Красивые заплаканные глаза, руки вокруг коленей. Ему и было-то всего шестнадцать тогда, глупый ребенок, как она могла его не спасти?..

Жег он тогда письма, что писали ему названные друзья; Алевтина Алексеевна пробежала некоторые взглядом и лишь на мгновение задумалась перед тем, как принять решение. Сжечь-то можно, конечно, но что если друзья его расскажут про молодого князя Злотова? Охранка все равно ведь придет, будет обыск, и что-то они найдут... Значит, нужно сделать так, чтобы они нашли нужное – и у нужного человека.

Друзья в письмах обращались к Андрею «Дорогой АВЗ!». И лучшего решения она принять не могла.

Охранка действительно пришла – в тот же день, они едва успели закончить. И письма нашла, вот только не у Андрея, а в комнате Арсения – тот, по счастью, всего за несколько дней до того приезжал в поместье на побывку, докучал ей своим ненужным и нежеланным присутствием. Скоро Арсения арестовали; для Владимира это стало тяжелым ударом, а Алевтина Алексеевна, утешая мужа, радовалась – ведь теперь дорога к старшинству в роду для Андрея была открыта.

Хорошее было решение, безупречное. Арсений, молчаливый, занудный и требовательный, не смог нажить связей, а после Крымской и истории с арестом командующего Петергофским полком его и вовсе старались обходить стороной. Некому было за него вступиться, и Владимир тоже не лез – она отговорила, чтобы не бросать тень на весь род. Жаль только, до казни так и не дошло, даже к тюрьме не приговорили – учли какие-то его военные заслуги и сослали на Кавказ. Алевтина Алексеевна возмущалась про себя: какие такие заслуги могли быть у Арсения?! Но сделать ничего не могла и сочла за лучшее в конце концов забыть о нем.

Как оказалось, зря.

– Но теперь я старший в роду, – продолжает между тем Арсений. – И могу все исправить.

Княгиня чувствует: кровь отхлынула у нее от лица и, кажется, прилила прямо к сердцу, заставив его колотиться как бешеное. Исправить... Он собирается... Нет, не может быть.

Андрей только устроился, что с ним будет, если Арсений во всеуслышание заявит о своей невинности?... Конечно, ему никто не поверит, но свет есть свет – тень уже будет брошена, и Андрею не станет в Петербурге жизни. Нет, нет, нельзя!

– Не смей... – выговаривает она побелевшими губами.

Арсений усмехается и вдруг – смотрит на нее прямо. И это так страшно, что сердце у нее, только что колотившееся как в припадке, замирает от ужаса.

– Чего вы так испугались, матушка? – интересуется он, и глаза у него уже не стылые, не болотные – колючие, цепляются, как крюки, будто саму душу вытаскивают. – Того, что я могу рассказать об Андрее и о вас, о том, что вы сотворили с моей жизнью? Полноте, кого волнуют истории прошлого. Но вы понимаете ведь, что, поскольку я старший в роду, в моих руках есть и другие возможности? Скажем, право подписи. Все документы о тратах буду подписывать я, и судя по тому, что мне показали в Комиссии, мне потребуется досконально разобраться в том, куда уходят деньги рода. Кто знает, что придется сделать по итогам ревизии: сократить траты на ваши бальные платья, или ограничить выезды в свет, или даже продать поместье или петербургские квартиры... Андрею придется рассчитывать только на жалованье чиновника – как, по вашему мнению, справится ли он?

Он заглядывает в глаза, будто вспарывает безжалостным взглядом, словами с издевательски-холодным участием в тоне. Алевтина Алексеевна медленно отмирает, краска возвращается на ее лицо, сердце перестает частить. Вот, значит, что он задумал – признаться, она недооценила его. Рассказать о той давней истории – сильный удар, но всего один; а он может длиться и длиться пытку, тянуть и тянуть жилы из них, сделать для них саму жизнь ненавистной – если, конечно, император не одумается. Но и два месяца слишком много, ей ли не знать, что можно сделать за такой срок, даже пустить родовое наследство по ветру, лишь бы насолить им, с него станется!..

Княгиня расправляет плечи.

– Чего ты хочешь? – чеканит она.

Арсений откидывается назад – не расслабляется, просто садится иначе, спина его по-прежнему жестко выпрямлена, как и подобает офицеру.

– Мира, – неожиданно отвечает он. Алевтина Алексеевна недоверчиво хмурится. – Я хочу, чтобы со мной не воевали – ни вы, ни Андрей, ни прислуга. Мои приказы должны выполняться, моих распоряжений должны слушаться. Донесите это до всех. Те, кто не согласен, могут приходить за расчетом – бойкоты за мои же деньги мне не нужны.

Она не верит. Да и как поверить – она бы сама на его месте мстила до последней капли крови, только дайте волю и силы. Сейчас, на седьмом десятке, воли ей по-прежнему не занимать, но силы кончаются слишком быстро, а то она бы, она бы...

Арсений следит за сменой выражений на ее лице, и уголок губ у него дергается – будто он пытается улыбнуться и не может.

– Понимаю ваши сомнения. Я не испытываю к вам приязни, матушка, но мне не все равно, что будет с родом. Не воюйте со мной, не злите меня, и дни вашей жизни и жизни Андрея пойдут так же или почти так же спокойно, как при отце.

– Почти? – уточняет она тревожно. Арсений поводит головой.

– Возможно, траты все же придется сократить, но не так трагично, как я описал. Финансы рода в неважном состоянии, хотя, разумеется, я еще ознакомлюсь с частными бумагами отца.

Алевтина Алексеевна молчит, раздумывая. Ей не хочется соглашаться, но выхода она не видит. И, Боже, как согласиться? Как можно согласиться, чтобы он распоряжался всем, чтобы ей приходилось у него просить средства на пошив платьев, на служанок, на украшения, даже на утренний кофе?... Ах, если бы старшим стал Андрей, она бы не колебалась, жила как у Христа за пазухой. С этим же остаток жизни превратится в пытку.

Но отказаться она не может. Не из-за себя – из-за Андрюши.

Она так ничего и не говорит – просто не в силах выдать ни слова. Но Арсений мило-стиво не заставляет ее это делать, вместо этого без спроса поднимается и берет свою шапку на согнутый локоть.

– Считаю, что мы пришли к соглашению. Распорядитесь подготовить для меня комнату, матушка, я пока займусь отцовскими документами. Попросите не тревожить меня до ужина, когда накроют на стол, пусть передадут через моего денщика, я спущусь, – говорит он, и его взгляд снова ускользает в сторону, становясь стылым и невыразительным, голос стремительно теряет интонации – остается только уверенная сухость человека, привыкшего отдавать приказы. – Денщика пусть разместят недалеко от меня и слушаются. Ничего, что я бы не одобрил, он не скажет. За сим позвольте откланяться.

Он действительно кланяется – коротко, по-военному – и спокойным шагом выходит из гостиной. В комнате будто появляется воздух, Алевтина Алексеевна глубоко дышит и никак не может надышаться, откидывается на спинку дивана и обмахивается веером. Ужасный человек, ужасный разговор... ужасные условия.

Не думает же он, что она действительно пойдет у него на поводу?!

Княгиня зло улит глаза, сжимает губы. Ничего-ничего, пусть порадуется своей победе. Пока она ничего не может с ним сделать, придется подчиняться, потому что он прав – все деньги теперь у него как у старшего, и в его силах назначить ей нищенское содержание, не оглядываясь на мнение света. Какой свет, Боже, его не пустят на порог любого мало-мальски пристойного дома! Но это значит, что мнение света он может не принимать в расчет и поступать по своему разумению.

И значит, пока стоит затаиться. Пусть радуется, пусть – недолго на его улице будет царить праздник. Она умеет ждать; как несколько лет ждала, чтобы женить на себе Владимира Злотова, так и подождет, чтобы известить его неуместного сына.

– Марфа! – зовет она, выпрямляясь. Девка вбегает в гостиную, смотрит на хозяйку с отчаянием – наверняка слышала часть разговора. – Позови Никанора Ивановича. И подготовьте комнату для Арсения Владимировича, для его денщика... словом, все как он хочет.

Марфа растерянно кивает и убегает. Алевтина Алексеевна встает с дивана и подходит к окну.

Поговорить с управляющим, предупредить его, чтобы поправил документы; окоротить особо ретивых слуг, чтобы не злились этого по чем зря; потерпеть. Она вздыхает. Терпеть придется долго, долго – но ей не привыкать.

Княгиня опускает веер, подходит к секретеру и садится рядом, открывает крышку. Ей нужно написать письмо Андрею.

– Вашблагородь.

Арсений перебирает папки на отцовском столе, раскладывает в нужном порядке – частная переписка, деловые письма, описи, бухгалтерия, домовые книги, документы от управляющего... Много бумаг, много цифр, и это значит, что спать ему предстоит мало – надо ловить момент, пока никто еще не опомнился и не подчистил хвосты. Сейчас ему очень важно понять, что на самом деле происходит в роду, чтобы знать, как действовать дальше.

Он смотрит поверх очков на Федора и хмыкает. Тот неодобрительно хмурится, значит, слышал разговор с матушкой. Сделав знак говорить тише, он подзывает денщика к себе.

– Не волнуйся. Всепрощение – не моя сильная сторона, – произносит он, снова возвращаясь к бумагам.

Федор молчит.

– Вы ж их... как яблоки в бочке – мочите, – наконец говорит он – уже без неодобрения, а словно уточняя, правильно ли понял. Арсений кивает, не глядя на него. – А что ж Настасья Дмитриевна? Что б сказала?

Арсений задумчиво смотрит в сторону. Там среди отцовских вещей он поставил одну свою – маленький портрет Насти, давний, еще времен Крымской, в полуапостольнике и с золотым крестом сестры милосердия на груди. Она смотрит в ответ ласково и твердо, и Арсений улыбается ей.

– Настя сказала бы: Бог простит, – отвечает он после паузы.

Федор весело ухмыляется в бороду и выходит, оставляя Арсения наедине с бумагами. Как никто он знает, что сейчас Злотову лучше не мешать.

*

– Подготовь экипаж, – бросает Злотов денщику на следующий день и идет умываться.

Встает он поздно для себя: за отцовскими бумагами он и впрямь просидел до рассвета, да еще и сверка с бумагами управляющего отнял драгоценное время – как и все люди на подобной должности, Никанор Иванович не упускал того, что само плывет в руки, и требовалось выяснить, как много прилипло к этим рукам по мере течения. Федор дает ему поспать два часа сверх обычного, а потом приходит будить, и Арсений просыпается резко, как от рывка – так всегда после долгой работы с цифрами, глубоко заснуть он не может и даже во сне продолжает считать, сверять и пересчитывать. Утро после таких ночей для него обычно сумрачное; но не теперь.

Арсений плещет в лицо холодной водой и, наклонившись над умывальником, смотрит в свое отражение.

Общая картина дел в роду ему понятна. Конечно, детали еще предстоит уточнить и высчитать, но уже ясно, что отец, подобно многим дворянам, в новых экономических реалиях ориентировался ни шатко ни валко: где-то видел выгоду и вкладывался, но в основном шел проторенной веками дорогой, рассчитывая на доход с поместья. То, что доход уменьшился, что крестьянам теперь нужно платить за работу, что деньги постепенно мельчают, и если их не вкладывать, родовые финансы сильно сократятся, князь Злотов-старший, похоже, не понимал.

Арсений усмехается сам себе. Теперь он – князь Злотов-старший.

Он предполагал, что так будет: уже вид обветшавшего за тринадцать лет поместья, которое явно давно капитально не ремонтировали, а лишь латали дыры, говорил о многом. Управляющий, похоже, был из той же когорты консерваторов, но, как заметил Злотов в переписке, регулярно выступал с дельными предложениями, от которых отец почему-то отказывался. Казалось, Владимир Злотов опасался тратить деньги, словно для чего-то копил и берегал. Будь у Арсения сестра на выданье, он бы понял такую бережливость; но здесь, очевидно, дело было в другом.

В Андрее.

Как сказала матушка? Чиновник, большой человек в Петербурге, со связями? Все эти связи смотрели на Арсения столбиками цифр – долги, долги, долги. Здесь проигрался в карты, здесь заказал костюм не по карману, здесь отправился с друзьями в ресторан и просадил все подчистую... Удивляться, конечно, нечему: так живут многие дворяне в Петербурге, транжира родовое состояние. Удивляли суммы. И, похоже, не только Арсения.

Среди бумаг отца он нашел интересную смету – полугодовой доход и расход Андрея. Притом, что князь Злотов-младший жил в семейной квартире, то есть на наём не тратился, он умудрялся просаживать неправдоподобно огромные деньги. Каждая в отдельности размерами не поражала, но скрупулезный подсчет показывал сумму, которой обычной семье горожан с лихвой хватило бы на год. А Андрей такое тратил за месяц.

Арсений зло усмехается в зеркало, привычным движением натачивая бритву.

Похоже, отец был не безнадёжен, в какой-то момент он, очевидно, заподозрил неладное. Во всяком случае, за последние три года все счета Андрея были скрупулезно подшиты в папку, как будто старший Злотов собирал на него досье. Кроме того, в последние полгода потоки денег рода на выкуп долгов Андрея стали постепенно истощаться, хоть и не разительно – похоже,

отец пытался снять младшего сына с шеи и приучить к самостоятельности. Тридцать лет уже, как-никак, пора бы понимать цену деньгам – тем более в новых обстоятельствах.

Андрей этого явно понимать не хотел: большая часть счетов, которые отец не успел оплатить до смерти, принадлежала ему. Более того, по ним казалось, что Андрей, напротив, пошел вразнос – суммы вышли за все границы приличий. Вероятно, чувствуя, что источник денег вот-вот иссякнет, он пытался выжать максимум, пока еще возможно.

Арсений сбивает едва заметную светлую щетину, чистит бритву и, промокнув мыльную пену полотенцем, качает сам себе головой. У него, как у большинства комиссаров – интендантов по-нынешнему – нюх на растраты, как у ищейки. А здесь и комиссаром быть не надо, достаточно уметь считать.

И не любить человека, который это себе позволяет.

Очевидно, что Андрей не может просадить такие суммы в одиночку – это даже с помощью друзей проблематично. Осталось выяснить, куда уходят родовые деньги на самом деле. У Арсения есть нехорошие подозрения на этот счет, и их проверкой он планирует заняться в самое ближайшее время.

Но пока... пока у него есть дело важнее.

Он надевает свежий мундир и выходит из комнаты. Оглядывается – никого на этаже нет – и парой пассивных накладывает на дверь чары, Узы на миг проявляются белой сетью и, сплетаясь в новый узор, растворяются в воздухе рядом с замком и дверным полотном. Больше сюда без его ведома никто не войдет – как и в комнату Федора, как и в кабинет отца.

Спасибо, матушка. Он хорошо выучил этот урок.

– Кудой мы? – глухо интересуется Федор, когда Арсений выходит из дома и подходит к экипажу. Дворовые люди смотрят на них издали, побросав работу, но стоит Арсению обернуться – возвращаются к ней с удвоенной силой.

– К Березиным.

Федор вскидывает на него глаза, и взгляд его горит радостью. Злотов кивает в ответ и забирается в экипаж.

Минута покоя – перед тем как ринуться в бой.

Арсений только сходит со ступеньки экипажа, когда слышит сбоку восторженное:

– Братец!

Оглядывается – и едва успевает раскрыть объятия: Петр Березин, младший брат Насти, насккивает на него всем весом и сжимает в охапке – даром что на Федора он не похож и его хватку медвежьей никак не назвать. Зато, крепко обняв Арсения, он отстраняется и трясет Злотова за плечи, как куклу.

– Как я рад тебя видеть! Что ж ты не предупредил! Лиза! – кричит он девчужке-служанке у крыльца дома. – Беги скажи, что Арсений приехал!

Та действительно убегает в дом, будто ветром сдуло; Петр отстраняется на расстояние вытянутой руки и рассматривает Арсения с улыбкой, тот рассматривает его в ответ. Десять лет ни для кого из них не прошли даром – Петр возмужал, из порывистого мальчишки превратился в статного мужчину, который, правда, свою порывистость трепетно сохранил. В последний раз они встречались после смерти Насти, с тех пор общались только письмами, но и по ним Арсений видел, как Петр растет и мужает.

Он очень похож на Настю, в который раз с грустной нежностью думает Злотов. И в то же время – совсем, по-мужски не похож.

– Идем же в дом, маменька будет рада, и батюшка тоже, – тараторит между тем Петр и, вскинув взгляд, радостно улыбается. – Федор, здравствуй! Заканчивай здесь и тоже приходи.

– Доброго здоровьечка, Петр Дмитриевич, – гудит в густую бороду денщик, улыбаясь ему в ответ.

– Идем-идем. – Петр обхватывает Арсения за плечи и подталкивает к дому – крепкому, солнечному, утопающему в зелени, такому не похожему на поместье князей Злотовых; Арсений подчиняется, тоже едва заметно улыбаясь. А Петр все тараторит: – А я как знал, веришь? Не иначе Бог меня надоумил! Дай, думаю, заеду к родителям в свободный день, давно не бывал. И ты приехал, вот так подарок! Ты ведь останешься?

Арсений молча качает головой.

– У тебя дел невпроворот, должно быть, – понимающе кивает Петр и едва не в спину подталкивает его вверх по лестнице, сам поднимается следом, прихрамывая и цепляясь за перила. – Шутка ли – стать старшим в роду! Я уж столько наслушался про тебя по министерским коридорам, не знал, куда спрятаться...

– Да дай же ты хоть слово человеку вставить, тараторка, – смеется рядом теплый голос, и Арсений, задержавшийся на лестнице в ожидании Петра, поднимает взгляд. На крыльце стоят старшие Березины – Мария Николаевна и Дмитрий Филиппович, и смотрят на него с такой нежностью, что у Злотова болит в груди. Не Узы болят – сердце.

Ему всегда кажется, что он этой нежности не заслужил.

– Мама, папа, – кланяется Арсений привычно сдержанно – хорошо зная, что никто его за эту сдержанность не осудит. – Рад видеть вас в добром здравии.

Дмитрий Филиппович усмехается в усы, а Мария Николаевна с улыбкой протягивает ему руки.

– Иди же сюда.

Обнимая ее, маленькую, хрупкую, но такую по-женски сильную, чувствуя, как гладит и похлопывает его по спине Дмитрий Филиппович, как держит его за плечо Петр, – Арсений снова и снова клянется себе, что никогда больше не принесет боль в этот дом.

Потому что именно здесь, а не в родовом поместье Злотовых, живет его семья.

Березины по сей день остаются для него загадкой. Дворяне Малого круга, простые помещики, они хоть и не бедствуют, но небогаты. Дмитрий Филиппович вышел в отставку с военной службы в чине полковника и даже Крымскую застал едва-едва, получив ранение в первые дни и выбыв из строя; когда Мария Николаевна выходила за него замуж, ее род уже был на грани разорения, и большого приданого за ней не дали. Впрочем, полковник Березин приданому и взгляда не уделил, говорили, со своей Марьюшки он глаз не сводил что до свадьбы, что после. Тихие, скромные, любящие друг друга, теплые и добрые, гостеприимные и открытые – такими Арсений впервые увидел чету Березиных и такими видел их до сих пор.

Как эти люди смогли воспитать Настю – для него тайна. И не только воспитать, но и отпустить, когда она заявила, что отправляется на Крымскую сестрой милосердия. Откуда у них столько сил? И откуда набралось у Насти жестокости – заставить их так волноваться?..

Арсений думает об этом каждый раз, когда видит их, и ответа не находит. Наверное, Настя и сама его не знала.

Впрочем, что-то, видимо, правильно делали тихие помещики Березины, воспитывая своих детей – потому что росли они все как один порывистые, упрямые и готовые всему миру бросать вызов, если считают, что правы. Такой была Настя; таким вырос Петр, на пять лет ее младше. Ему на роду написано было стать военным, пойти по стопам отца, но не вышло – в десять лет телега перешибла ему ногу, и с тех пор он хромал; тогда Петр отправился покорять вершины государственной службы и, кажется, преуспел. Да и младшая дочь, Анюта, по слухам, такая же красивая и своенравная, как старшая сестра, которую она почти не знала, демонстрировала березинский характер – правда, уже в своей семье. Твердой маленькой ручкой она правила большим домом барона де Майре, оттеснив слишком властную свекровь, покорив сердца многочисленной новой родни и без зазрения совести вертя обожающим ее мужем.

Арсений с усмешкой думает, что Настя вертела им точно так же. И понимает барона де Майре как никто.

Березины стали для него домом, семьей, которой он, нелюбимый ребенок, полжизни проживший в казармах, раньше не знал. Они приняли его без вопросов, сразу, когда Настя его привела, и до сих пор так же без вопросов любили, считали еще одним сыном. Даже после всей той боли, которую он им принес.

Они принесли – вместе с Настей.

Что было особенного в их, березинском, характере? Что таилось за этой любовью, добродушием, жизнью, наполненной тихой семейной радостью? Арсений не знает. Но это, особенное, березинское, всегда проявляется вдруг тогда, когда меньше всего этого ждешь.

Не ждали, должно быть, чиновники охранки, что тихий отставной полковник Березин встряхнет все свои связи – и ошибочно арестованный ими Арсений Злотов останется жив.

Не ждал и Арсений, что после всего – тюрьмы, допросов, позора, ссылки – полковник Березин придет его проводить на перрон. Ни на что не посмотрит – ни на позор, ни на ссылку, страхнет возмущенные взгляды, как пыль с эполет, поведя плечом, и только будет вертеть Арсения перед собой, проверяя, не забыл ли чего.

– Ваше высокоблагородие... – начал тогда Злотов. Разжалованный в унтеры, он не мог обратиться иначе.

– Отставить, – мягко покачал головой на это Березин. – Я для тебя от века и до смерти отец. Как поняли, каптенармус Злотов?

Арсений только кивнул тогда – горло как склеило. Березин с доброй усмешкой похлопал его по плечу и обнял.

– Береги себя, – попросил он и добавил тише: – И ее береги.

...А Арсений не сберег.

И не ждал – ничего не ждал. Ни того, что Березины как-то прорвутся на Кавказ, всей семьей приедут, узнав о смерти Насти – и это в шестидесятом году, в самые бои!.. Ни того, что они, потерявшие дочь и сестру, ни словом, ни взглядом его не обвинят. Арсений тогда сам на себя похож не был: раздавленный горем, с трудом удерживающий Узы, он стал еще молчаливее и не мог подарить в ответ ни тепла, ни признательности, не мог повиниться даже, покаяться перед ними – так отупело застыло все у него внутри. И они – они! – его утешали, держали всей семьей и раз за разом вслед за Настей просили: живи, Арсений. Только живи.

Наверное, понимали своими чуткими березинскими сердцами: после смерти Насти они остались друг у друга – а у Арсения не осталось никого.

И они эту пустоту взялись наполнять, как могли: письмами, подарками к праздникам, посылками с домашним вареньем. Детскими рисунками, когда у Петра и Анюты появились свои дети. Открытками с засушенными цветами. Вязаными носками и шарфами, вышитыми платками. Во всем Кабардинском полку не было, наверное, офицера, который получал бы посылки чаще, чем каптенармус Злотов. И все это – письма, посылки, открытки, платки – в конце концов сделало свое дело: намертво пришло его к земле.

Федор и Настя спасли его в ночь, когда проявились Узы. Семья Березиных не позволила сдаться – ни на миг за все десять лет.

Они смеются, тормошат его, привычно молчаливого, усаживают за стол – и вот он уже, сам не заметив, негромко рассказывает о жизни в полку, о сослуживцах, о делах, пересказывает гуляющие по армии анекдоты, прихлебывая душистый чай из широкой простенькой чашки. О боях не говорит – не хочет тревожить, и Дмитрий Филиппович одобрительно смотрит на него через стол; да и боев, по совести, в последнее время мало. После покорения Западного Кавказа война считалась законченной, хотя стычки по-прежнему случались, но это ни в какое

сравнение не идет с тем, что происходило еще десять лет назад. Так что Арсений не говорит о неважном – зато много слушает.

Петр, похоже, и сам приехал к родителям вот только что – говорит и говорит, рассказывая о жизни, о жене, о детях, смеется, тараторя; Арсений, чуть наклонив голову набок, задумчиво щурится. В том, как Петр обходит тему службы, он видит те же причины, которые заставляют его молчать о боях.

– А что же на службе, Петруша? – спрашивает Мария Николаевна – тоже, очевидно, это почувствовав.

Петр на миг сникает, потом снова выпрямляется, неестественно улыбаясь.

– Ничего, маменька, все в порядке. – Дмитрий Филиппович сурово хмурится, и под его взглядом Петр морщится. – Батюшка, не гляди так, не страшно.

– Страшно, раз молчишь, – внушительно отвечает Березин-старший и постукивает кончиками пальцев по столу.

Петр молчит секунду, потом вздыхает и машет рукой.

– Повздорил немного с Беловым, теперь продвижения еще лет пять не дождусь. Так и буду до сорока бегать в помощниках, – невесело усмехается он.

Арсений не знает, кто такой Белов, но судя по тому, как неодобрительно хмурится Дмитрий Филиппович, кто-то из начальства. Петр инженер, служит в Министерстве путей сообщения и, как писала Мария Николаевна, подавал большие надежды; похоже, в этот раз березинское упрямство вышло ему боком.

– Из-за чего хоть повздорил? – интересуется Березин-старший.

– Из-за Лаздина. Того самого, пап.

А вот эта фамилия Арсению знакома – такую носил один из самых настойчивых ухажеров Насти. Александр Лаздин проходу ей не давал, стоило ей вернуться на балы после Крымской, вился вокруг назойливо и настырно, и Арсений до сих пор помнит, как раздраженно летал в руках Насти веер в такие моменты – казалось, еще секунда, и она его сложит и отхлещет непонятливого кавалера по щекам.

«Ах, Арсений Владимирович, где же вы были? Отчего я должна ждать вас, разве мы не условились с вами станцевать минимум три танца сегодня?... Видите, Александр Никитич, я вас не обманывала, у меня и впрямь есть партнер на сегодняшний вечер. Придется нам с вами встретиться в другой раз. Предложите мне руку, Арсений Владимирович, что же вы? Идемте танцевать!»

Арсений грустно улыбается и опускает взгляд, рассматривая чайники на дне чашки. Настя часто так делала после войны – пряталась за него, пользуясь его молчаливым расположением. А он долго не понимал, зачем она это делает.

– ...Ладно бы инженер толковый был, я бы стерпел, так он ведь и университета не закончил – ходил вольным слушателем. Зачем он Белову, не понимаю. Представить не могу, что каждый день на него смотреть буду. Лента эта траурная еще, как бельмо на глазу... – делится печалью между тем Петр и вдруг смотрит на Арсения. – Ты ведь знаешь, что он учудил, братец? Или не в курсе?

Арсений молча качает головой. Признаться, последнее, что интересовало его в Петербурге – это судьбы бывших Настиных поклонников.

– Решил носить траур по Настасье. Спыхватился десять лет спустя, – с раздраженной неприязнью объясняет Петр и, кажется, только усилием воли не швыряет ложечку на стол. Повзрослел, рассеянно отмечает Злотов. Раньше бы швырнул.

– Зачем? – интересуется он. Что-то ему подсказывает, что такая странная блажь – не следствие умопомешательства.

Петр снова кривится.

– Хочет привлечь внимание княгини Добровольской. Не знаю, доходили до вас вести на Кавказ или нет – старший князь Добровольский женился на барышне Виктории из рода Марецких. Говорят, она образованна, начитанна и любит окружать себя такими же образованными и начитанными людьми. А еще она любит тех, кто умеет выделиться, показать что-то особенное. Вот дворянство и устраивает цирк кто во что горазд – всем хочется побывать на ее знаменитых приемах. Там, говорят, не танцуют, только беседуют дотемна да играют в карты. – Петр хмыкает: его такое времяпрепровождение, очевидно, не привлекает. – Понять можно, конечно, на приемах княгини Добровольской кого только не бывает, даже цесаревич на час почтил своим присутствием. И светлейший князь Горин, когда в Петербурге, эти собрания не пропускает, любит он, по слухам, длинные философские беседы...

Арсений медленно поднимает чашку и делает глоток. Он не заметил за князем Гориным особой любви к философствованиям – впрочем, то был Кавказ и война, времени у них на разговоры оставалось мало, на подготовку операции-то с трудом хватало; Петербург – другое дело. И высший свет – дело совсем другое.

– И чем же Лаздину должен помочь траур по Насте? – спрашивает Арсений, когда Петр завершает свой недовольный рассказ.

– Как же, – усмехается тот язвительно. – Траур по погибшей десять лет назад любви – это ведь так романтично. Княгиня Добровольская молода да к тому же набожна, такая история обязана тронуть ее сердце. Вот и бегают наш Лаздин по Марсову полю в полдень по средам и пятницам, как и добрая половина Петербурга – в это время княгиня Виктория Николаевна изволит гулять. Как думаешь, братец, может, и мне попробовать? Если она так добросердечна, как говорят, наверняка вид несчастного хромоножки ее разжалобит. А можно ведь и на колени пасть, оступившись, – вот где настоящий повод для жалости! Помнится, когда я так с лестницы прямо под ноги великому князю Павлу Сергеевичу сверзился, он мне даже платок подал, чтобы я кровь утер, и подняться помог – чем не щедрость?

Петр хохочет, довольный шуткой; очевидно, что расположения княгини Добровольской, да и кого бы то ни было, он не ищет, и очевидно, что собственное увечье его не гнетет. Свыкся, должно быть, за столько-то лет; как Арсений свыкся с горем по Насте, так и Петр свыкся с тем, что все двери, которые обычно открываются красотой и влиятельностью, ему придется пробивать лбом. Что ж, березинский характер ему в этом в помощь – женился ведь на своей давней любви, хромоножка из небогатого рода Малого дворянского круга, взял измором надменную Софью Наледину, которая ему поначалу и взгляда ласкового не дарила, и теперь нянчит вместе с ней детей. А вот в службе это упрямство мешает, похоже; впрочем, Арсений не осуждает – сам такой.

Может, потому Настя его и выбрала.

Может, потому и Березины его выбрали.

В поместье Зловых Арсений возвращается к ночи – в доме уже только пара огоньков теплится, и хозяева, и слуги спят. Насилу вырвался, Березины его отпускать не хотели, пришлось несколько раз им – и себе – повторить, что его ждут документы. Да убегут разве те документы, вскрикивал Петр недовольно. И Арсений хотел, но не мог ответить ему честно: да, убегут.

Федор отправляется устраивать лошадей на ночь, а Зловых тихо заходит в дом через заднее крыльцо, никого не тревожа. У комнат Арсений скрупулезно проверяет чары – ага, не зря поставил, кто-то пытался вскрыть отцовский кабинет, но успеха, конечно, не имел и после пары попыток отступился. Вернувшись в свою комнату, Зловых скидывает мундир, снимает очки и, сжав уставшую переносицу двумя пальцами, застывает так на несколько минут без движения.

Шансы всегда есть, надо их только дожидаться, сказал он Федору накануне. Имеет ли он право сейчас этот шанс упустить?

Но что он может? Ни харизмой, ни красотой, ни боевыми заслугами он не отличается. Петр – увечный физически, а у Арсения – увечная репутация: участник заговора, сосланный на Кавказ, – ему откажут в любом мало-мальски приличном доме. Пусть он теперь старший в роду, пусть император забыл о нем, занятый свадьбой дочери, – репутацию этим не исправишь. Ни денег, ни связей, некому похлопотать за него, да и кто бы решился связываться? Княгиня Добровольская наверняка не решится.

И что же, не попробовать? Даже не попытаться?

Ему не нужны связи, ему не нужна репутация. Все, что ему нужно, – светлейший князь Горин и десяток минут его внимания.

Арсений медленно опускает руку и надевает очки, щурится на темное окно.

У него нет харизмы, боевых заслуг, красоты, связей, репутации... Зато у него есть то, чего нет и никогда не было у Александра Лаздина.

Знание бюрократической машины.

И Настя.

...Когда возвращается Федор, чтобы помочь ему подготовиться ко сну, Арсений негромко распоряжается:

– Завтра отправишься в Петербург. Форму оставь, оденься в гражданское и старайся не сильно примелькаться. Узнай, в городе ли князь Горин и собирается ли он быть на ближайшем приеме у княгини Добровольской. Возвращайся сразу, как узнаешь, я буду здесь.

Федор внимательно его выслушивает, помогая сменить рубашку на ночную, затем собирает одежду и выпрямляется. Арсений смотрит на него снизу вверх, сидя на постели. На первый взгляд его распоряжения глупы – Федор никогда не бывал в Петербурге, Федор огромный как медведь и выделяется из любой толпы даже без формы... Но он отлично узнал этого человека за тринадцать лет. И историю его тоже отлично знает.

Федор хмыкает в бороду. Похоже, задание ему нравится.

– Сделаю, вашблагородь.

– Иди, – кивает Арсений.

Он не привык упускать шансы. Даже если приходится их создавать самому.

Глава 3

Марсово поле Злотов таким не помнит – шумным, гуляющим, полным детских криков, торговцев и палаток. Кажется, будто здесь идет нескончаемая ярмарка, и ему от этого неуютно. Он привык к Марсову полю – военному полигону, парадам и смотрам, душным клубам пыли, отчищать сапоги от которой можно было часами, бесконечной муштре на жаре; к зелени, к детям и играм, пестроте красок, такой странной посреди петербургской серости, он не привык.

Арсений идет неспешно, сложив руки за спиной. Он старается держаться в стороне – ни к чему привлекать внимание. Изредка застывает, прикладывая руку к виску, провожает идущих мимо офицеров; те бросают на него короткие, но всегда удивленные взгляды. Черная форма Кабардинского полка – не то, что видишь в Петербурге каждый день. Впрочем, они не останавливаются и не выясняют, что делает здесь унтер-офицер из такой дали.

Арсению это только на руку. Чуть наклонив голову, он из-под козырька шапки осматривается вокруг короткими быстрыми взглядами и ищет только одну фигуру.

Не княгини Добровольской, нет – он не знает, как она выглядит, и портрета ее взять неоткуда. Зато Лаздина помнит неплохо и рассчитывает, что тот отвечает ему взаимностью.

– Злотов! – слышит он за спиной меньше чем через четверть часа прогулки.

Гляди-ка: и впрямь помнит. Арсений останавливается и неспешно оглядывается, шурясь сквозь очки против солнца. Лаздин идет к нему широким шагом с параллельной дорожки прямо по траве; волосы взъерошены, распахнутый сюртук плещется крыльями от движения, глаза пылают праведным гневом – чисто Бетховен со знаменитого портрета. Чего у Лаздина всегда было в избытке, так это умения производить впечатление, и надо признать: черная лента на плече придает его образу оттенок романтического геройства.

Лицедей, пренебрежительно звала его Настя. Арсений, глядя на него сейчас, склонен с ней согласиться. Как все они, Лаздин постарел, погрузнел немного за прошедшие годы, но привычка к эффектности при нем осталась. Жаль, что, кажется, ума к ней так и не прибавилось – иначе почему бы княгиня Добровольская не обратила на эту эффектность своего сиятельного внимания?

Впрочем, сейчас обратила – если только это она, конечно, стоит невдалеке под белым кружевным зонтиком и заинтересованно следит за разворачивающейся сценой. Что ж, Арсений не намерен ее разочаровывать.

Он дожидается, пока Лаздин приблизится на расстояние трех шагов, и интересуется:

– С кем имею честь?

Арсений знает особенности своего голоса – в горах пришлось этому научиться. Если не знать, как его сглотнуть, вроде бы негромкий, из-за тембра он разлетается на десятки саженей во все стороны. Марсово поле – конечно, не горы, но Арсений, как любой офицер, хорошо умеет без повышения голоса перебивать самый назойливый шум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.